

Вопрос о субъективностях в «темной комнате»

Михаэль Дорфман

Я много писал в последнее время про национальные, расовые и гендерные политики идентификации. Замечательный мемуар Сьюзен Фалуди, *В темной комнате* бросает неожиданный свет на само понятие идентичности, врожденной или приобретенной, фиксированной или изменяемой.

Пуллитцеровский лауреат Сьюзен Фалуди входит в мой список просматриваемых материалов как автор академических текстов второй волны феминизма, не предназначенных для легкого чтения. Я прочел ее добротную феминистскую *Косую черту* с подзаголовком: «Необъявленная война против американских женщин» уже, когда стало ясно, что победы в борьбе за всяческие постмодернистские расовые, гендерные и мультикультурные равенства сопровождается невиданным в новейшей истории социальным неравенством и общественной несправедливостью. Ничего в ее прежних текстах не могло подготовить меня к тому, что будет в ее новой книге.

Похоже, и сама Фалуди не ожидала того, к чему приведет ее погружение в свою семейную историю «Я готовила обвинительный акт, собирала улики для суда. Однако затем прокурор сам превращается в свидетеля...»

Будапешт 2004 год. После многих лет разлуки Фалуди прилетает встретиться со своим отцом. Писательница помнит отца страшным и очень жестоким человеком, домашним тираном и злонамеренным абьюзером. Она порвала с ним больше четверти века, не разговаривала, да и не собиралась никогда больше. Позвал ее в дорогу и-мейл. Ее 76-летний отец сообщает ей, что «после многих лет выдавил из себя мачо», и что он, или, (политкорректно сказать) она, перенесла операцию по смене пола, и из Стивена превратилась в Стефанию.

Фалуди волнуется за отца-трансгендера, но одновременно, как бы проводит исследование. Постоянно судит ее, и сама же стесняется своего суждения.

«На ней были вязаный красный свитер, серая фланелевая юбка, белые туфли на каблуках и жемчужные серьги в ушах. Я застеснялась своей первой мысли “Ни одна женщина так не одевается”...

Мы неуклюже обнялись. Ее грудь, (лифчик 48С, как она потом меня проинформировала) толкалась в мою. Грудь была такая твердая. Скорей зубцы, чем плоть. Мне стало стыдно за свою негибкость. Сразу с самолета, а уже взялась судить ... Будто то, как носят сумку, является биологическим признаком? Словно мало вокруг «настоящих» женщин с силиконовым бюстом? Когда это я стала эссенциалисткой?»

Классики первой волны феминизма Бетти Фридан и Симона де Бовуар неизменно исходили из тезиса, что личное – это политическое. Сьюзен Фалуди сделала карьеру на том, как надо думать и говорить о гендерной политике в Америке. Столкнувшись с поменявшим пол отцом, ее теории и ее политики идентичности вдруг стали очень личными. Однако даже в самые интимные моменты встречи с отцом она не может удержаться от анализа и концептуализации со стороны.

Книга Фалуди называется *В темной комнате* – это не только там, где невозможно найти черную кошку. В наш дигитальный век только люди постарше еще помнят, что в темной комнате проявляли и печатали фотографии. Я помню это чудо в детстве, когда под красной лампой в ванночках с раствором проявлялись изображения на снимках. Отцовский чердак Сьюзен Фалуди в Будапеште очень узнаваем для любого выходца из Австро-Венгерской империи, от Ивано-Франковска до Пьемонта. У нас во Львове тоже были такие чердаки. В этой «темной комнате» американская автор проявляет тайну, которой всегда был для нее отец. Вместе с этими тайнами проявляются различные идентичности и связи между гендером, нацией, религией и семьей. Заодно и начинает выявлять и что-то о сути человека.

Некоторые фрагменты книги – это добротная научно-популярная проза, объясняющая различные психологические концепции, вроде теорий идентичности Фрейда и Эриксона. Местами – гневная полемика, где автор рассуждает о политиках идентичности, разжигавших Холокост или о росте современного правого национализма в Венгрии и Восточной Европе. Однако все это не главное. *В темной комнате* – это автобиографический квест во времени и пространстве. Автор хочет разгадать, наконец, загадку своего отца, который всегда был большим мастером маскироваться, скрываться и убегать не только от других, но и от себя самого.

Постепенно открываются неизвестные страницы жизни отца. В прошлом Стефания – бесстрашный скалолаз в Альпах, искатель приключений в джунглях Амазонки, и еще много всего... Сьюзен не может поверить, что ее отец, которого она считала шовинистом и эгоистом, выдавал себя за фашиста во время Холокоста для того, чтобы спасти своих еврейских родите-

лей от Марша смерти. Тем более Сьюзен не может понять, почему Стефания так жестоко порвала с родителями сразу после войны.

Душа Стефании – тоже темная комната, трудная загадка для дочери. Еще трудней бороться с искушением, чтобы профессионально не свести к трансгендерности «ответ», объясняющий множество противоречий в личности отца. Нелегко далось воссоединение с отцом-тираном, наказывавшего дочь битьем головой об пол. Поэтому Сьюзен продолжает навещать Стефанию в ее заброшенном доме с чердаком, забитым старыми письмами и семейными фотографиями. Фотографии из другой жизни, из ее детства в пригороде Нью-Йорка. Ее отец тогда был уважаемым фотографом-ретушером в престижном фотосалоне. После развода родителей, отец, по видимому, уже переосмысливая свою идентичность, возвращается в родную Венгрию и полностью удаляется из жизни своих детей.

Однако в их изменяющемся мире все же бывают постоянные вещи. Например, нарциссизм Стефании остается неизменным, несмотря на перемены места, культуры и пола. Сьюзен приходится часами выслушивать монологи Стефании о ее нарядах и косметике. Стефания даже заставляет дочь смотреть фильм, который она сделала о своем изменении пола. Неизбежно всплывают воспоминания из детства, как приходилось часами послушно внимать монологам отца о себе.

Я вспоминал *Темную комнату*, когда недавно посетил двух знакомых трансгендерных женщин, которых не видел со времени их трансформации. Обе как были домашними тиранами, так и остались, предоставляя своим женам заниматься детьми и хозяйством, себе оставив главное – вопросы карьеры. Свободное время, как ставший Стефанией отец Сьюзен, они посвящали разговорам о себе и о своём отношении к так называемым «вечным темам». Вероятно, патриархат способен проявлять себя в любой форме – и в формах трансгендерности, гей или лесбийской субъективности.

Есть в книге моменты страстного единения отца и дочери, когда они идут в один из немногих тогда ночных гей-клубов в Будапеште и там до рассвета танцуют под музыку диско. Многие вопросы остаются без ответа. Те вопросы, которые находят ответы, поднимают множество новых вопросов. Кто-то из критиков заметил, что *В темной комнате* – это убедительное и провокативное, но нелегкое чтение. Оно стоит того, в наши «мутные времена», когда вопросы «кто есть я?» становятся вопросами жизни и смерти. В этом контексте я позволю себе предположить, что книга Фалууди – книга о неизбежности постгендерного, небинарного мира, не укладывающегося ни в гендерные, расовые, национальные или религиозные или другие нормативности.